

Для цитирования: Хасбулатов Р. И. Россия между двумя субконтинентами Евразии: преимущества и новые угрозы // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 4. — С. 1005-1015

doi 10.17059/2017-4-3

УДК 336.711

Р. И. Хасбулатов

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
(Москва, Российская Федерация; e-mail: khasbulatov.r@mail.ru)

РОССИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ СУБКОНТИНЕНТАМИ ЕВРАЗИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НОВЫЕ УГРОЗЫ¹

В статье показано, что география предназначила для России специфическое положение между Европой и Азией. Обладая огромными малозаселенными, но богатыми природными ресурсами территориями, Россия на протяжении столетий обладала естественными преимуществами перед другими странами и в периоды мирного строительства, и в военные годы. Однако в наше время в условиях быстро накатывающейся волнами технологической революции они могут не реализоваться, и более того, попасть под контроль или Азии или Европы. Страна как географический регион находится между двумя сверхмощными субконтинентально-региональными экономическими центрами — ЕС в Европе и Китаем в Азии. Все это объективно требует, во-первых, намного более успешного развития самой страны — мощного экономического рывка, во-вторых, ускоренного развития экономики многих регионов страны, находящихся в бедственном положении, в-третьих, укрепления многосторонних связей России с ближними соседями — союзниками по ЕАЭС с целью превращения этой интеграционной группы в одну из наиболее успешных в евразийском регионе.

Ключевые слова: субрегионы Евразии, между Европой и Азией, ЕАЭС, глобальный проект «Один пояс — один путь», экономическая экспансия Китая в регионе ЕАЭС, противоречия и конфликты, новые угрозы, бедность, депрессивные регионы, государственное управление

Специфика географического положения

Если посмотреть на карту самого крупного евразийского континента, сразу же бросается в глаза огромное пространство, занимаемое Российской Федерацией, как бы соединяющей два субконтинента — западную часть континента (собственно Европу) и Азию. Поэтому говорить о России как некоем «соединительном коридоре» между Европой и Азией не совсем верно, поскольку географически — она и Европа, и Азия, но никак не «коридор». Скорее всего, понятие «Евразия» подходит именно к России (и в определенной мере — к Казахстану), учитывая, что самая дальняя ее западная полоса вклинивается в пограничный восточный район собственно Европы. Другое дело — какие элементы преобладают в экономической, социальной, политической и культурной жизни общества, в обычаях, традициях, политике, какое наследие оставили предыдущие поколения во взаимном сотрудничестве на протяжении многих веков? Все это важно не только со строго научной точки зрения, но и в прикладном, практическом и политическом плане, создает мощную базу для со-

трудничества и взаимодействия наших народов в решении больших и малых проблем, которых достаточно много, как, впрочем, во все времена. Отличия только в том, что сегодняшние проблемы нам всегда представляются более сложными, по сравнению со вчерашними. (Видимо, потому что они либо остались в прошлом, либо решались не нами).

Сами по себе огромные малозаселенные территориальные пространства любого государства не имели какого-либо ощутимого значения в их развитии в предыдущие столетия. Их роль начинает интенсивно возрастать по мере ускорения научно-технического прогресса, вовлечения этих территорий с их природными ресурсами в национальный производственный оборот, а затем в региональную и мировую экономику. Но и в этом случае их влечение в ткань региональных мирохозяйственных и культурных процессов осуществляется, в основном, в рамках двух моделей развития. Одна модель — хорошо продемонстрированная советским опытом освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока, когда мощные разработки природных ресурсов более или менее гармонично сочетались с развитием производственной и социальной инфраструктуры, массовым жилищным строительством, развитием

¹ © Хасбулатов Р. И. Текст. 2017.

культуры и искусств и т. д. (при всех хорошо известных недостатках и просчетах). Отмечу, в значительной мере аналогичные подходы были свойственны для Канады в 50–70-х гг. XX в., их исследованием автор занимался многие годы [1], но с конца 70-х — начала 80-х гг. эта страна, как и другие развитые страны, отказавшись от кейнсианской методологии экономической политики, перешла к неолиберал-монетаризму. Вторая модель освоения природных ресурсов — это создание инфраструктуры для переброса стратегического сырья в развитые центры мировой экономики (на мировые рынки) при отсутствии каких-либо социально-культурных планов и программ территориального развития и минимальном соблюдении требований охраны окружающей среды, животного мира, рек и водоемов. Она хорошо известна по практике деятельности могучих ТНК в десятках развивающихся стран. Многие ее элементы были присущи и освоению территорий СССР в частности Севера «Сибири; эти вопросы также изучались советскими и российскими учеными» [2].

По всем признакам, именно эта вторая модель хищнического освоения природных ресурсов прочно закрепилась в России в постсоциалистический период. (Эта модель была предложена и утверждена премьером в прогнозе развития России на период 2013–2020 годы, разработанный под руководством ряда экономистов неолиберал-монетарного направления). Такой путь облегчается супермонополизацией в добывающих отраслях, когда единицы мощных корпораций, обладающих влиянием, несравнимым с влиянием никакой другой корпорации в западном мире (это касается не только государственных, но и частных корпораций в Сибири и Дальнем Востоке), полновластно хозяйничают без ощутимого государственного и общественного контроля. Эти факты приводятся не для того, чтобы еще раз напомнить об очевидных и хорошо известных фактах, а с другой целью. А именно, чтобы выяснить, возможно ли при таком хозяйствовании превратить потенциально богатейшие регионы России в адекватные территориальные площадки для полноценного, выгодного и равновеликого сотрудничества с предельно развитой Западной Европой и мощно устремленной в будущее ускоренно развивающейся Азией. Не ведет ли практика почти всего последнего двадцатилетия к тому, что Россия превращается в совокупность территориально-хозяйственных анклавов с разными типами и уровнем технологической зрелости и социально-экономиче-

ского развития? В последнее время на эту тему стали писать многие экономисты, а между тем, автор указывал на эту неблагоприятную тенденцию еще около двух десятилетий тому назад, в конце 90-х гг. [3]. И если исследователи приходят к выводу, что экономически Россия представляет собой сколки развитых и предельно отсталых африканских стран — это прямое и непосредственное следствие той экономической политики, которая неизменно и последовательно осуществляется в стране с начала 1992 г. «Почти четверть российских регионов по экономическому развитию и качеству жизни населения находятся примерно на таком же уровне, что и такие государства, как Судан, Пакистан, Нигерия, Ливия, Бутан. Такова сухая статистика»¹. Отсюда — бедность населения, охватывающая так называемый креативный класс. Этот факт и является по существу главным тормозом экономического роста. Бедность препятствует росту производительности труда, а выдумки относительно более быстрого роста доходов, по сравнению с темпом экономического роста, — ложная идея, выброшенная придворными экономистами. Но в целом, как мне представляется, в последнее время среди научно-экономического сообщества страны (не только РАН) к настоящему времени сложился устойчивый консенсус по поводу необходимости полной смены экономической политики. Складывающаяся ситуация опасна тем, что несмотря на свои колоссальные территориальные пространства Россия может оказаться в своего рода пространственной ловушке, представляя социально-экономически отсталый регион (в производственно-технологическом измерении), зажатый между предельно развитой Европой и рвущейся к мировому преобладанию Азией. При таком сценарии развития событий (а он уж явочным порядком реализуется), понадобится не более 15–20 лет, учитывая то, с какой скоростью накатывается — волна за волной — технологическая революция, чтобы полностью изменить облик современной экономики России, главным предназначением которой может быть всего лишь инфраструктурное обеспечение переброса стратегического сырья в Европу и Азию. Эта перспектива тем более реалистична, чем дольше затянется этап воинственного противостояния Кремля и Вашингтона. При длительном сохранении нынешних напряженных отношений между Россией и сово-

¹ См.: Башкатова А. Зоны национального бедствия // Независимая газета. 2017. 10 авг. С. 1.

купным Западом такая перспектива более чем реальна. В этом убеждают, в частности, официальные исследовательские группы, сходящиеся во мнении, что темпы роста российской экономики в обозримом будущем не могут превысить ежегодно 2–3 %. В то время как для реального (дающего эффект) развития, позволяющего повышать уровень жизни населения (а не просто «роста», который обеспечивает, к примеру, нефтегазовый сектор и торговля при отрицательных показателях жизненно важных отраслей и сфер народного хозяйства), нужен ежегодный рост не менее 6–8 %. При росте национальной экономики в 2–3 % неизбежно произойдет негативная трансформация отраслей промышленного блока в направлении формирования супермощного инфраструктурного комплекса, призванный обслуживать перебрасывающиеся.

Если бы Запад не потерял свои бывшие превосходные экспертные кадры, а политики были бы более дальновидными и подготовленными, способными учитывать среднесрочные и дальние перспективы мирового развития, он (Запад) без колебаний поддержал бы разного рода нефтегазовые «коридоры» из России, намертво привязывающие ее экономику к их хозяйственно-финансовым системам, превращая ее в их придаток, зависимый от капризов политиков. Аналогичная ситуация может сложиться (вернее, она точно сложится) с российско-турецкими и российско-китайскими нефтегазовыми трубопроводами. Превосходной альтернативой (на которую два десятка лет указывают аналитики и специалисты, в том числе автор статьи) для России является строительство целой группы современных перерабатывающих нефть и газ заводов, продукты которых во многом раз дороже на мировых рынках, и потребность в них велика. Как ни странно, ошибки и просчеты Запада, связанные с попытками блокирования этих проектов, дают еще один шанс России стать на путь интенсивного развития своей экономики не с позиций отдельных крупных корпораций и бюрократии, а в интересах народа [4]. Эти проекты, будучи реализованными, могут дать кратковременный финансово-экономический эффект, но в перспективе — невыгодны и опасны для страны (поскольку ставят в полную зависимость от иностранного фактора), еще недавно едва избежавшей второй геополитической катастрофы (распад) и все еще являющейся бедной, лишенной многих современных отраслей, со слабым сельским хозяйством, запущенным предельно жилым фондом, многове-

ковым бездорожьем и прочими бедами. Если ускоренное развитие дальних малозаселенных регионов страны является первой задачей государства, то вторая ее задача — достижение реальной интеграции в рамках обширной региональной группы — Евроазиатского Союза (ЕАЭС) возможно, последний исторический шанс сохранить как самостоятельные субъекты политики целый ряд важных приграничных стран в общем и едином экономическом, политическом и культурном пространстве. Может быть, этого не понимают в элитарных группах самих стран ЕАЭС, которые привыкли (это свойство всех периферийных элит) рассуждать категориями недавнего прошлого, в частности, XX в. Прошедший век был веком утверждения национальных суверенных государств, и больших, и малых, что отразилось, в частности, в принципах Устава ООН, казавшихся вечными. XXI в. — это эпоха коалиций и союзов государств. Небольшие государства, имеющие большую историю и занявшие особое место — это исключение, не имеющее отношения к новым государствам. Но понимают ли это наши сопредельные азиатские или закавказские элиты? Для России эта проблема стала особенно актуальной в связи с потерей самого близкого и великого соседа — Украины. Эта утрата приобретением Крыма не компенсируется, а масштабы этой потери будут год от года только возрастать, особенно если Украина станет полноправным членом НАТО и, скорее всего, ЕС (руководящие деятели которого стремятся компенсировать выход Великобритании из Союза за счет включения Украины). Уже в силу всего этого много причин для укрепления ЕАЭС, и имеющиеся возможности это позволяют осуществить (если не будет провокаций типа «русского мира», которая нанесла существенный вред отношениям, основательно напугав союзников России) [5]. Скажу еще одно в этой связи: если бы большевики Ленина руководствовались в национальной политике такими идеями, СССР никогда не был создан и, скорее всего, единой России в ее современных границах давно не существовало бы. С проектом ЕАЭС следует торопиться, надо учитывать и фактор времени: пока у власти в странах-союзниках находятся известные и уважаемые лидеры, они в состоянии сделать многое и преодолеть препятствия на пути интеграции, которые окажутся непосильными (или неприемлемыми) для их преемников. Сильным ударом по новому Союзу стало совпадение по времени фазы кризисного падения российской промышленности с рождением Союза. Возможно,

в силу этого первые годы существования ЕАЭС не дали ощутимых выгод никому из его участников. Работа по его созданию, следует отметить, была проведена огромная, с учетом деятельности Таможенного союза и условий вступления ряда участников в ВТО. Очевидно, в условиях российского кризиса, который приобрел отчетливые черты уже в середине 2013 г. (за один год до начала украинских событий), не могла появиться динамика в новой интеграционной группе. Кризис закономерно перекинулся, прежде всего, на Белоруссию и Казахстан — в этих государствах резко снизился инвестиционный процесс, сократилась взаимная торговля. Естественно, появились противоречия, раздуваемые чиновничеством, и довольно часто — аналитиками либерал-монетаристской школы, представители которой оказывают существенное влияние на раздувание противоречий, «разоблачая» то президента Белоруссии Лукашенко, то президента Казахстана Назарбаева. Правда, статистика сообщает о некоторых позитивных сдвигах с начала 2017 г., но насколько они основательны и долговременны? Здесь есть неопределенность, тренд еще неустойчив, чтобы делать уверенные выводы.

Слабый динамизм компаний, высокие цены на сырье, низкая активность, бюрократическая собственность

В недавнем прошлом (2001–2008 и 2010–2013 гг.), когда российская экономика развивалась достаточно успешно, а банки и промышленные компании чувствовали себя уверенно, особенной деловой (инвестиционной) активности ни в России, ни в странах Таможенного союза с их стороны не отмечалось — все помыслы были устремлены на Запад. Эта их западная устремленность не исчезла и после непрерывного наращивания западных санкционных мер по отношению к России. Авторы одного из весьма интересных исследований из ИМЭМО РАН отмечают: «В настоящее время становится все очевиднее, что из „четырёх свобод“, которые должен обеспечить ЕАЭС (свободы движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала), именно с движением капитала возникают наибольшие трудности» [6].

Для успешного предпринимательства в России и, в, не меньшей мере, странах ЕАЭС связано с высоким рисками. Поэтому государство и его институты, как представляется, должны были бы создавать более благоприятные для этого условия, в том числе во взаимодействии с союзниками. Эта работа осущест-

вляется предельно слабо. Однако помимо известных высокого уровня коррупции, бюрократии, дороговизны кредитных ресурсов и др., главной причиной инертности бизнеса, на мой взгляд, является высокая цена природных ресурсов (отсюда — слабая международная конкурентоспособность, не говоря уже о высоких ценах на внутреннем рынке — промышленные товары, продовольствие, услуги, ЖКХ и т. д.). Подтягивание внутренних цен в России до уровня мировых цен на все и вся, как известно, происходило уже с 1 января 1992 г. (после известного Указа Ельцина), что обусловило постепенное исчезновение естественных преимуществ в конкурентной борьбе российских товаров уже на стадии становления рыночных отношений. Эта порочная идея о полной и абсолютной неконкурентоспособности российских товаров прочно утвердилась в деловых кругах российской буржуазии. Отсюда — ее подавленное состояние, низкопоклонство перед Западом, уверенность в его непревзойденном превосходстве. Рост цен на сырье происходил особенно интенсивно в период 2002–2007 гг., а также в период после мирового кризиса в условиях начавшегося бума промышленного роста (2010–2013 гг.). По моему мнению, именно слепое следование всему тому, что есть на Западе, в частности, «подтягивание» отечественных цен до уровня европейских и мировых цен, во-первых, способствовало вхождению российской экономики в длительную фазу экономического кризиса, во-вторых, именно эти высокие цены на ресурсы, включая энергоносители, привели к тому, что Россия разом лишилась естественного преимущества, предоставленного ей самой природой — дешевого сырья. Мало кто из вершителей экономической политики задумывался над простейшим вопросом: если бы Китай ввел внутренние цены на газ, бензин, электроэнергию, металлы, стройматериалы и прочее на уровне мировых цен, сумела бы эта страна стать второй промышленной державой мира? Ответ прост, как аксиома, не требующая доказательств, — никогда! Ютился бы в списке стран где-то между 20 и 30 строчками по величине ВВП, а полуголодное население в 1 млрд человек внушало бы ужас планете. Поэтому китайские переговорщики насмерть бьются всякий раз, когда им приходится заключать контракты по поставкам сырья в свою страну — они не могут себе позволить платить за него дорого — нужно сохранять низкие цены на готовую продукцию, чтобы с выгодой торговать на мировых рынках и сохранять низкие цены на внутреннем рынке для насе-

ления. Это разве не парадокс — отечественные цены на электроэнергию, топливо, керосин и бензин, мазут, электроэнергию, цемент и прочие стройматериалы уже давно на уровне (или даже выше) американских, канадских, австралийских. Отсюда — слабая конкурентоспособность всей российской экономики и никакими ссылками на низкую производительность труда эту ситуацию не исправить (к тому же эти ссылки — неверны), поскольку затраты на сырье и материалы несоразмерно велики. Вот в чем одна из главных причин неэффективности созданной модели экономики, а во все не в низкой производительности труда, на что ссылаются порою очень высокие носители власти. Производительность труда — это производный элемент конструкций модели экономики — если система требует повышать производительность труда — она будет расти; «сами по себе» растут только кисло-горькие плоды на диких яблонях. Поскольку российская экономика не выпускает множества необходимых промышленных изделий, потребности в них у стран — союзников по ЕАЭС восполняют компании Китая, Турции, Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и других стран. Отсюда — предельно малые объемы взаимной торговли между членами Союза. И инвестиционный капитал им предоставляют китайские банки и китайские корпорации, в основном государственные, причем высокоэффективные. Это, кстати, на фоне продолжающихся рассуждений о том, что главной причиной неэффективности российской экономики является «засилье государственных компаний». Государственные компании бывают разные: одни, как китайские, действуют в строгом соответствии с установленными нормами, служат своему народу и достигают выдающихся успехов — заработная плата в промышленности Китая уже выше соответствующей зарплаты у рабочих и инженеров российских предприятий; другие государственные корпорации, как в России, — они лишь называются государственными. На деле — выведены из-под сферы государственного и общественного контроля, наделены производными льготами, создают свои империи масс-медиа, строят какие-то университеты (как будто их мало в стране) и маниакально устремлены на повышение цен на свою продукцию и банковские услуги. Это — не государственная, а бюрократическая собственность, предельно неэффективно управляемая. (Результаты мы видим по Украине, в которой осложнения начались из-за неумения вести переговоры по газовой проблематике. Равно как и в странах ЕС,

в которых та же наша знаменитая корпорация пыталась упорно установить контроль над сетями распределения газа, несмотря на нежелание хозяев). Чем обернулся шантаж «государственной» газовой монополии? Стойким неприятием и прочими издержками, а продолжение сотрудничества обусловлено отсутствием других источников. Но это сегодня. А завтра? А завтра — уже все неопределенно, скорее всего, его у российской газовой монополии в Европе не будет, репутация подмочена на долгие, долгие годы. Альтернативы готовятся — из Северной Африки, зоны арабских стран, сжиженный газ из Америки и пр. Кто-нибудь помнит публичные (по телевидению) насмешки всего лишь несколько лет назад руководителей этой корпорации над перспективой сланцевых нефти и газа в США? Это происходило, когда десятки компаний ускоренно работали над реализацией этих проектов. И ныне сланцевые компании США, а не ОПЕК, определяют цены на нефть на мировом рынке. Однажды отдали на откуп «рыцарю реформ 90-х» уникальную электроэнергетическую компанию РАО ЕЭС, объединяющую в единой системе все электроснабжение государства и даже (в критических ситуациях) снабжающую электричеством соседние страны с известными последствиями, в том числе с катастрофами (Саяно-Шушенская). Поэтому, наверное, право общественное мнение — чем такие государственные корпорации, лучше иметь частные, при всем неукротимом сопутствующем их элементе — мошенничестве.

Китайская экспансия: глобальный проект «Один путь — один пояс» в зоне ЕАЭС

Осуществляя мощную торгово-экономическую и инвестиционную активность во всех регионах мира, в том числе в странах ЕАЭС, китайские компании энергично реализуют свои долгосрочные глобальные проекты в рамках известного Шелкового пути, названного Си Цзиньпином «Один пояс — один путь», один из главных маршрутов которого должен проходить через территории России и другие страны ЕАЭС из Китая в Европу. Тем самым буквально «накрывают» планы России и ее союзников (основывающиеся, как отмечалось выше, на естественно-географическом порядке вещей) служить соединительной платформой между Западом и Востоком. По мере интенсификации китайского инвестиционного процесса в страны Союза выстраиваемая Россией соединительная платформа будет приобретать все более отчетливый китайский цвет. А рисуемые идиллические перспек-

тивы относительно танкеров с русской нефтью вблизи Полярного круга и круглогодичных навигаций по Северному Ледовитому океану под русским флагом останутся сказочными мечтаниями политиков — неудачников, оказавшихся неспособными осуществить самые реалистичные проекты развития своей страны, имея для этого максимум возможностей (каких не было за всю тысячелетнюю историю России). В результате Азия соединится с Европой, очевидно, на тех правилах, которые оба субконтинента (Азия в лице Китая и Европа через Брюссель) сообща выработают, но похоже, при минимальном участии России. Этому глобальному проекту способствуют следующие факторы. Во-первых, китайское руководство, опираясь на разработки ученых Академии наук и Академии общественных наук, разработало еще в начале 80-х гг. виртуозную экономическую стратегию (в рамках общей экономической политики), состоящую из двух параллельных направлений: одно — хорошо известная всему миру и основательно изученная исследователями модель реформ [7], автором которой явился знаменитый Дэн Сяопин, напоминающая по сути ленинский план (НЭП); другое направление — это неолиберал-монетаристская доктрина, в полной мере заимствованная у Запада — для использования во внешнеэкономической экспансии китайских корпораций.

В отличие от более чем 100 стран мира, официально взявших на вооружение Вашингтонский консенсус, китайская научная мысль, и тем более — практическая политика Компартии Китая и правительства даже не подумали его использовать во внутренней политике, взяв в качестве главной цели создание общества «сяокан» — достижение среднего достатка для 1 300 млн населения. (Эта цель, как заявил на октябрьском съезде КПК Си Цзиньпин, будет достигнута уже в ближайшие годы). Но что явилось изюминкой, по сути, бесценной, в том числе в плане развития теоретической мысли и превосходной государственно-корпоративной практики — это использование до предела всего арсенала неолиберал-монетаризма во внешнеэкономической экспансии. Не только Азия, но и Африка с Латинской Америкой сегодня — это регионы, в которых Китай имеет значительные финансово-экономические позиции, вполне сравнимые с западными, и они быстро усиливаются. Очевидно, ирония состояла в том, что по сути китайцы на насаждавшийся повсюду новый экономический порядок на базе либертарианства (или либертаризма, по выражению

Пола Самуэлсона) взамен кейнсианству, ответили более чем адекватно. Они создали мощные государственные ТНК и банки, действующие по всем правилам Уолл-стрит. Оба направления оказались суперуспешными: первое направление — во внутренней политике, основанной на базе социалистических идей, резко повышена социальная функция государства, рост благосостояния народа происходил и происходит непрерывно, хотя возрастает и социальная дифференциация; во внешнеэкономической экспансии использование учениками (китайцами) методов, сути и содержания неолиберал-монетаристской доктрины настолько превзошли практику «учителей», что ученик побил учителя и продолжает его избивать. Это — гегелевская диалектика, которую хорошо усвоили китайские лидеры и ученые (российские с презрением выбросили, отсюда — плачевные результаты). При этом для китайской экспансии сложились благоприятные международные условия [8]. Во-первых, распад СССР избавил Китай от могущественного соперника, поскольку сегодня трудно прогнозировать отношения между двумя гигантами, к примеру, неизвестно, смог ли бы Китай уверенно бросить все свои силы на форсированный экономический рост при соседстве с могучим СССР. Во-вторых, в этот временной период происходило ускоренное «сжатие» экономической мощи Японии, и, соответственно, произошло неожиданно быстрое доминирование китайских компаний в регионе Восточной Азии. При этом отметим, никаких поводов для недовольства России Китай не давал. А в 90-е гг. оказал серьезную помощь, сохранив через свои заказы основательную долю ВПК, особенно в судостроительной и авиационной промышленности. В-третьих, уже в самое последнее время успешной реализации китайского проекта способствуют вывод Доналдом Трампом США из заключенного в конце 2016 г. по инициативе правительства Барака Обамы Транстихоокеанского торгового партнерства, и объявленное им прекращение переговоров относительно Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Решения по ним были объявлены новым президентом Доналдом Трампом вскоре после его воцарения в Белом доме. Эти решения, вместе с целым рядом других выпадов против Евросоюза (включая требования увеличить военные расходы стран — членов НАТО, доведя их до 2 % от ВВП и другие меры и заявления) были поняты Европой не просто как отказ от мирового лидерства (такая трактовка некоторым аналити-

кам представляется неверной, скорее, речь идет о выборочных отказах США, причем исключительно при Трампе) от некоторых глобализационных проектов, которые, по мнению президента, являются чрезмерно дорогостоящими для Америки (для которых, по его мнению, актуальная задача вернуть товаропроизводящие компании в США). Этим удачно воспользовался Си Цзиньпин в январе 2017 г. в Давосе (Швейцария) в работе Международного экономического форума, на котором он выступил с обширным докладом. В нем он фактически сделал заявку на мировое лидерство Китая (но гибко увязал эту идею с допущением — «если США уходят», не договорив: «Тогда Китай...»). Но присутствовавшая в Давосе мировая элита сама продолжила эту мысль (если судить по реакции СМИ TV и интернет-сетей). Возможно, этим же объясняется опубликованный в те же январские дни в Пекине Документ Госсовета КНР (Правительства) «Политика Китая в отношении стратегического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)». Это — первый документ такого рода в политической истории современного Китая. В нем приоритетными названы отношения Китая с США, на втором месте — отношения с Россией, на третьем — отношения с АСЕАН, далее упоминаются Евросоюз, Великобритания, Индия, Пакистан, Турция, Иран, арабские страны, Белоруссия, Азербайджан, Грузия и Украина — всего более 100 стран. Со всеми ними Китай намерен наладить партнерские стратегические отношения. Интересно, однако, здесь и то, что главной угрозой для Азиатско-Тихоокеанского региона Правительство Китая назвало... КНДР с его претензиями на роль атомной державы! На это, конечно, тоже обратили внимание, в том числе американский конгресс и Доналд Трамп (вскоре была предельно поднята планка агрессивных выпадов со стороны США против КНДР, спровоцировав маршала Ким Ёна на пуски новых тяжелых ракет). Вывод для международных наблюдателей из всего этого был один — по всем критериям Китай вполне может заменить США в роли мирового лидера; очевидно, такая подспудная мысль возникла у тех, кому был адресован документ. При этом невозможно упрекнуть Китай в том, что он «подыгрывает США» — это не так; суть же в том, что только годовой китайский профицит от торговли с США составляет величину, в пять-шесть раз превосходящую весь торговый оборот России с Китаем. Эти тесные и важные отношения обе страны ценят и при всех противоречиях стараются их сохранить. Поэтому вряд стоит ожи-

дать, что жесткие высказывания Трампа в отношении торговой практики китайских компаний могут их поколебать, поскольку в этом случае пострадают обе страны. Конечно, и этот документ является одновременно элементом проекта «Один путь — один пояс», многоцелевого глобального проекта, объявленного китайским лидером Си Цзиньпином в 2013 г. К тому же, в условиях чрезмерного давления со стороны американского правительства на европейский деловой мир последний заинтересован в альтернативном, но не менее мощном (равновеликом) клиенте-сопернике, который (пусть на временной основе) может стать обширным рынком европейских товаров и услуг. Возможно, усилившаяся в последнее время инвестиционная активность китайских компаний и банков в Европе как раз и связана с широкой реализацией китайских проектов в рамках глобального проекта «Шелкового пути». Особенно ярко прозвучали мысли о грядущем мировом лидерстве Китая на недавнем съезде КПК Китая. Его трехчасовой доклад заслуживает тщательного изучения, в нем много нового и предельно серьезного.

Последствия для ЕАЭС

Такая эволюция и региональных, и в целом международных отношений в пространстве российской Евразии и еще шире — Союзной Евразии (ЕАЭС) влечет, по крайней мере, два возможных роковых последствия. Первое последствие — «соединительная платформа» между Азией и Европой переходит под контроль Китая. Второе последствие — разрушается ЕАЭС, соответственно, исчезает перспектива сближения народов, близких по культуре, истории, традициям. Россия, очевидно, все это переживет, хотя и с крупными издержками (их трудно сегодня оценить), а народам ряда небольших стран с едва устоявшимися политическими режимами такая эволюция грозит серьезными осложнениями (скажем мягко). Наверное, прав академик Павел Минакир, размышляя относительно того, что при всех дружеских отношениях между нашими двумя странами реализация этого проекта может серьезно осложнить перспективы Евразийского экономического союза, ухудшается перспектива транзита через территорию России по Транссибу и БАМу¹. Хотя об этом проекте написаны горы литературы с тех пор как года четыре тому назад Си Цзиньпин объявил о нем,

¹ Минакир П. Низко висящие фрукты // Эксперт. 2017. 15–21 мая. С. 31.

официальная презентация проекта состоялась лишь в мае 2017 г. на Первом международном форуме в Пекине, посвященном теме сотрудничества стран в деле реализации этого глобального проекта. В работе этого форума принимали участие представители 29 стран, руководители МВФ, Всемирного банка, крупнейших корпораций и банковских структур. Китай сумел заинтересовать крупнейшие деловые круги множества стран в участии в этом проекте. По своей структуре проект выступает в двух видах — преимущественно сухопутном и преимущественно морском. Сухопутные торгово-транспортные маршруты из Китая должны проходить в Центральную Азию и Россию, далее в Европу. Другой проект может быть проложен южнее России, через Каспий в Азербайджан и Грузию, и далее в Турцию и Иран к Ближнему Востоку; другое ответвление из Закавказья на северо-восток, на Украину, и через Белоруссию в Европу. (Следует учитывать и завершающийся газовый проект от разработок на азербайджанском шельфе Шах-Дениз через Грузию и Турцию к Южной Европе). Специфика гигантского китайского проекта, точнее — не одного, а целой их группы — увязанных в «Один пояс — один путь», заключается в том, что он не имеет общей программы и плана (а если ОНИ и есть, что вполне возможно, об этом знают только в узких кругах китайского руководства). В отечественной научной литературе это обстоятельство (отсутствие единой программы и плана) приравнивают к невозможности осуществления проекта в силу его «аморфности», отсутствия четких показателей с привязкой отдельных участков к территориям. Мне же кажется, что именно в этом таится заветный ключ к реальному его исполнению. Учитывая, что он непосредственно касается десятков стран, трудно даже гипотетически представить, что эти государства в жизни целого поколения пришли бы к согласию, если бы им предложили обсудить и принять некий единый документ. Допустим, что нашли какие-то компромиссы, согласились, подписали, и даже парламенты утвердили. Но вот состоялись очередные парламентские или президентские выборы и в ряде стран пришли к власти какие-то трампы и... объявили о своем выходе из договора. А «путь» должен был пролегать через их территорию. В результате — полный провал! Поэтому Китай разработал свой оригинальный подход — вроде бы нет никаких общего плана и общей программы. Есть лишь общая концептуальная база — и любая страна может присоединиться к ней и разра-

ботать «свой национальный план участия». Согласитесь, превосходный подход. Но суть в том, что сам «пояс» является именно таким, что участие в нем любой страны с необходимостью «подстраивает» ее под этот проект таким образом, как это предусмотрено логикой реализации проекта. Поэтому он осуществляется практически — сегодня, везде и сейчас. Я далек от мысли, что китайское руководство имеет какие-то тайные замыслы в отношении стран, с которыми сотрудничает по проекту. С Россией оно ведет себя предельно честно, предлагает участие в модернизации железных дорог, которые находятся в ужасающем состоянии и не могут служить базой для транспортного коридора из Китая в Европу, способные конкурировать с морскими перевозками, когда контейнеровозы огибают чуть ли не половину земного шара. (Один гигантский контейнеровоз перевозит эквивалент грузов до 300 железнодорожных эшелонов, в котором каждый вагон вмещает 50 т). Какие-то совместные проекты выполняются, но в целом создается впечатление о неготовности (возможно, присутствие элемента невозможности) российской стороны к предельно динамичному осуществлению своей части проектов. Казалось бы, в свете моих предыдущих рассуждений, в том числе относительно трансформации России и ее стран — союзников по ЕАЭС в некую платформу для китайского проекта по соединению с Европой, «замораживание» российского участка Шелкового пути будет благом для России. Но это — лишь слабое теоретическое допущение, поскольку центрально-азиатские страны, союзники России вполне согласны с маршрутом южнее России, в ее обход. Собственно, обходы уже создаются отдельными территориальными блоками и инфраструктурой (хабы), в силу очевидной выгоды, которую они получают от Китая и не могут получить от России, во всяком случае, в видимой форме. Финансовый потенциал реализации проекта и, соответственно, возможности оказания помощи участникам — огромные. Помимо множества других финансовых организаций, участвующих в реализации проекта, один только Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), рассматривающийся аналитиками не без оснований как альтернатива Всемирному банку, имеет в своем активе уже более 100 млрд долл. В рамках реализации глобального проекта активно осуществляются региональные и местные проекты во множестве стран, в том числе на территориях наших ближайших друзей — соседей. В Казахстане, например, Китай уже сотрудничает

в реализации более 50 проектов, действуют новые транспортные маршруты для перевозки китайских товаров в Европу и товаров из европейских стран в Китай и другие азиатские страны. Все более интенсивными становятся железнодорожные товарные перевозки из Китая в Европу и обратно. За период после выдвижения идеи «один пояс — один путь» (когда одновременно началась практически ее реализация) объем торговли этой страны со странами, через которые проходят маршруты или находящимися вблизи них возрос с 500 млн до 3 трлн долл. Россия с 90-х гг. не особенно желала тесно сотрудничать с великим «коммунистическим» соседом, да нужда заставила — любимый Запад отказал в дружбе и пошел экономической войной на страну, которую он уже лет 15 уже считал своим преданным сателлитом. Взаимодействие двух стран происходит, возрастает и взаимная торговля. Но что внушает тревогу — это то, что ни Россия, ни другие страны ЕАЭС не ставят задачи согласования проектов развития Союза с проектами Шелкового пути, действуя исключительно на двусторонней основе. Это — реальная угроза для Союза, он попросту может быть поглощен китайскими инвестициями и бурным ростом его товарных поставок и кредитными ресурсами, что не может дать им Россия (не давали даже тогда, когда в них был избыток). Со времени активной реализации указанного проекта Китай, по всем признакам, основательно охладел к планируемому газопроводу «Сила Сибири», протяженностью 2,5 тыс. км, соглашение о котором было подписано в мае 2014 г. между «Газпромом» и китайской госкорпорацией CNPC. Как сообщалось в СМИ, начиная с 2018 г. по газопроводу должно было перекачиваться 38 млрд м³ газа., при этом ни цена, ни структура расходов не были раскрыты. Сроки ввода в строй газопровода несколько раз переносились, и в последний раз этот срок отодвинут на 2021 г. При этом руководители «Газпрома» неоднократно намекали, что эти объемы будут перекрыты. (А между тем, более 30 % населенных пунктов Европейской России, не газифицированы. По этому показателю Россия находится на последнем месте среди европейских стран). Не секрет и то, что наряду с острой необходимостью финансовых ресурсов (это особенно актуально для России в условиях неизбежного втягивания в гонку вооружений), этот газопровод Россия — Китай (как и газопровод России — Турция) играл для Кремля и важную политическую роль, демонстрируя, что у России в вопросах поставок газа Западу есть

восточная альтернатива. Похоже, что эта альтернатива исчезает, как миражи в Гоби. Есть и другие, не менее важные обстоятельства. В Китае в последний период разрабатываются сланцевые газ и нефть на мощных пластах, сравнимых по запасам с американскими, СМИ используют термин «китайская сланцевая революция». Сообщается, что в 2016 г. получен объем газа около 8 млрд м³, ожидается, что в 2017 г. эта цифра превзойдет 10 млрд м³. Помимо этого, Китай импортирует сжиженный газ из США и Катара, планируется рост поставок из Австралии. Как это отразится на «Силе Сибири»? Здесь, похоже, полная неопределенность.

У России — неограниченные возможности для ускоренного развития, но не хватает умения их использовать и ладить с соседями и союзниками

При огромной важности внешних факторов не они определяют в решающей мере ближнее и дальнее будущее России, ее место в обширном евразийском регионе и в мире в целом, ее сегодняшнюю далеко не благополучную ситуацию в экономике и социальной сфере. И настоящее, и будущее — всецело следствие творцов ее внутренней и внешней политики, и если дела неважны — это результат неподготовленности тех, кто управляет страной. Это — тоже аксиома, и не следует ссылаться ни на погоду, ни на границу. С точки зрения затронутых проблем определяющее значение имеет качество государственного управления, если этот сегодняшний очевидно низкий уровень сохранится даже в ближайшие годы, страна может очень многое потерять, в том числе последний исторический шанс на успешную интеграцию в рамках действующего Евразийского союза. А это означает, что она лишится практически последних оставшихся союзников, включая самых верных и надежных — Белоруссию и Казахстан, предпосылки к чему уже появились и появляются ежедневно, по сути, из-за пустяков (постоянные обвинения в том, что то Белоруссия, то Казахстан действуют во вред России в области торговли). Неудовлетворенность деятельностью ЕАЭС — это очевидный факт, в том числе и в силу игнорирования Союзом важнейших проблем, которые жизненно важны для реальных и потенциальных союзников России. В частности, ясно, что давно назрела необходимость серьезно взяться за оказание помощи Азербайджану и Армении решить территориальную проблему вокруг Нагорного Карабаха и других оккупированных Арменией азербайд-

жанских территорий, а не занимать созерцательные позиции. Россия предельно заинтересована в близких союзнических отношениях со всеми тремя странами Закавказского региона по многим причинам. Азербайджан, Грузия и Армения — это составная часть единого Кавказа, население которого составляет своеобразную много этническую целостность, оно веками проживало в едином и неделимом Кавказском пространстве, имеющем особенные неповторимые черты, отличавшие его народы от азиатов, славян и европейцев. Оно органически стремится к единству. Его невозможно «соединить» ни с Америкой, ни с Евросоюзом, ни с кем, кроме как с теми, кто жил рядом веками. Это своеобразие кавказцев отмечали исследователи, начиная со времен античных писателей. Народы Восточного, Центрального и Северного Кавказа, к примеру, чеченцы и ингуши, несмотря на разные религии, всегда были близки с грузинами (также как аварцами, кумыками, кабардинцами, черкесами, лезгинами и другими). Они рядом дружно жили веками, роднились, приходили на помощь друг другу в случае беды (вторжений иноземных врагов, землетрясений и пр.), Они остро переживают нынешнее состояние отношений между Россией и Грузией. Союзнические отношения лишь с одной Арменией — это, по сути ничто, к тому же это одна из самых бедных стран Европы (в то время как половина населения этой страны выехала в Россию и живет совсем неплохо. «Зачем армянам понадобилось два независимых государства, если они не хотят жить на своей исторической Родине?» — такой вопрос (под смех зала) мне задал один мой студент в ходе моей лекции). Надо вести серьезные широкоформатные переговоры со

всеми руководителями этих трех стран, возможно, на платформе ЕАЭС. С Грузией настоятельно необходимы союзнические отношения, возможно, какие-то решения, позволяющие вернуться грузинским беженцам из Абхазии и из Южной Осетии, предоставление особых прав на этих территориях и т. д. Решение проблемы можно найти, если искать, имея цель решение, а не уходить от проблемы. История дипломатии (и политики) учит, что «ухода» не получается, а проблема возрастает и становится более крупной и опасной. Надо мириться с Украиной, для этого следует вести переговоры. Искать и находить решение, К тому же не следует на Грузию и Украину возлагать всю ответственность за происшедшее, включая развязывание авантюрной войны Саакашвили в августе 2008 г. Создается впечатление, что наши политики и дипломаты для себя «заморозили» эти конфликты и противоречия, но могут ли они быть реально «заморожены» для этих стран, их народов, для Кавказа, мирового сообщества? Нет, конечно, обиженные несправедливостью будут искать способы вернуть утраченное. Обеими сторонами умело пользуются политики-манипуляторы, их немало (сами постарались увеличить их число). Теперь надо разгрести завалы, никто за Россию этого не сделает.

И самое главное — если экономика страны будет топтаться на месте, а вместо реальных успехов населению будет продолжаться внушение о «выдающихся успехах на фоне „таргетирования инфляции“», страну и ее народ ждет невеселое будущее. Огромный экономический регион Россия может с неопределенным будущим оказаться в серой зоне азиатско-китайской и мировой экономики.

Список источников

1. Хасбулатов Р. И. Экономика современной Канады. Государство и монополии. — М.: Высшая школа, 1977. — 183 с.
2. Лажнецов В. Н. Опыт комплексного исследования проблем территориального развития. — Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2003. — 193 с.
3. Хасбулатов Р. И. Россия. Гибель империи или уход из цивилизации // Экономическая наука России. — 1998. — № 4. — С.109–123.
4. Хасбулатов Р. И. Закат рыночного фундаментализма. Теории, политика, конфликты : в 2 кн. / Рос. экон. ун-т им. Г. В. Плеханова. — М. : Изд-во РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2014. — ISBN 978-5-7307-0977-5.
5. Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации: в 2 т. / О. Р. Хасбулатов, Т. Е. Мигалева и др.; рук. авт. колл. и отв. ред. д-р экон. наук чл.-корр. РАН Р. И. Хасбулатов; Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. — М. : Вече, 2017
6. Оптимизация инвестиционных связей современной России / Под ред. А. В. Кузнецова. — М. : ИМЭМО РАН, 2016. — 120 с.
7. Экономика Китая. Анализ состояния и перспективы развития. Сб. ст. : пер. с кит. / гл. ред. Чэнь Цзягуэй ; зам. гл. ред. Лю Шучэн, Ван Тунсань ; [рук. колл. пер. д-р экон. наук А. В. Островский]. — М. : Наука, 2009. — 372 с.
8. Тавровский Ю., Си Цзиньпин. По ступеням китайской мечты. — М. : Эксмо, 2015. — 272 с.

Информация об авторе

Хасбулатов Руслан Имранович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Российская Федерация, 17997, г. Москва, Стремянный пер., 36; e-mail: khasbulatov.r@mail.ru).

For citation: Khasbulatov, R. I. (2017). Russia between Two Subcontinents of Eurasia: Advantages and New Threats. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 13(4), 1005-1015

R. I. Khasbulatov

Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation; e-mail: khasbulatov.r@mail.ru)

Russia Between Two Subcontinents of Eurasia: Advantages and New Threats

The geographical location of Russia between Europe and Asia is unique. Russia possesses huge and low-populated territories, which are rich with natural resources. Throughout the centuries, Russia had natural advantages over other countries during the periods of peaceful development as well as during the war years. However, currently, in the conditions of the technological revolution, these advantages may be underestimated. Moreover, these benefits may get under control of Asia or Europe. The country as a geographical region is located between two superpower subcontinental and regional economic centres — the European Union in Europe and China in Asia. These conditions demand, first of all, much more successful development of Russia, or a powerful economic breakthrough. Secondly, the economy of many depressive regions of the country needs an accelerated development. Thirdly, Russia should strengthen its multilateral communications with near neighbours — allies on Eurasian Economic Union to transform this integration group into one of the most successful in the Eurasian region.

Keywords: subregions of Eurasia, between Europe and Asia, EEU, global project «One Belt — One Way», economic expansion of China in the region of EEU, contradictions and conflicts, new threats, poverty, depressive regions, public administration

References

1. Khasbulatov, R. I. (1977). *Ekonomika sovremennoy Kanady. Gosudarstvo i monopolii [Economy of modern Canada. State and monopolies]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 183. (In Russ.)
2. Lazhentsev, V. N. (2003). *Opyt kompleksnogo issledovaniya problem territorialnogo razvitiya [Experience of comprehensive research of the issues of territorial development]*. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr UrO RAN Publ., 193. (In Russ.)
3. Khasbulatov, R. I. (1998). Rossiya. Gibel imperii ili ukhod iz tsivilizatsii [Russia. Death of the empire or withdrawal from a civilization]. *Ekonomicheskaya nauka Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 4, 109–123. (In Russ.)
4. Khasbulatov, R. I. (2014). *Zakat rynochnogo fundamentalizma. Teorii, politika, konflikty: v 2 kn. [Decline of market fundamentalism. Theories, policy, conflicts: in 2 books]*. Ros. ekon. un-t im. G. V. Plekhanova [Plekhanov Russian University of Economics]. Moscow: REU im. G. V. Plekhanova Publ. ISBN 978–5–7307–0977–5. (In Russ.)
5. Khasbulatov, O. R., Migaleva, T. E. et al. (2017). *Ekonomika i politika postsotsialisticheskikh gosudarstv: opyt transformatsii: v 2 t. [Economics and policy of the post-socialist states: experience of transformation: in 2 books]*. In: R. I. Khasbulatov (Ed.). *Rossiyskiy ekonomicheskiy universitet im. G. V. Plekhanova [Plekhanov Russian University of Economics]*. Moscow: Veche Publ. (In Russ.)
6. Kuznetsov, A. V. (Ed.). (2016). *Optimizatsiya investitsionnykh svyazey sovremennoy Rossii [Economics and policy of the post-socialist states: experience of transformation: in 2 books]*. Moscow: IMEMO RAN Publ., 120. (In Russ.)
7. Chen Tsyaguy, Lyu Shuchen, Van Tunsan (Eds.). (2009). *Ekonomika Kitaya (Tekst): analiz sostoyaniya i perspektivy razvitiya: sb. st. per. s kit. [Economy of China (Text): Analysis of a state and prospect of development: collection of articles. Trans. from China by Ostrovsky O. V. et al.]*. Moscow: Nauka Publ., 372. (In Russ.)
8. Tavrovskiy, Yu., Si, Tszinpin (2015). *Po stupenyam kitayskoy mechty [Up the stairs of Chinese dream]*. Moscow: Eksmo Publ., 272. (In Russ.)

Author

Ruslan Imranovich Khasbulatov — Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Head of Academic Department, Academic Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 17997, Russian Federation; e-mail: khasbulatov.r@mail.ru).